

УДК 94:393.05.94

Н. Г. Юрчёнкова
N. G. Yurchenkova

СИМВОЛИКА ГОРЯ, ТОСКИ И ПЕЧАЛИ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ПРИЧЕТИ МОРДОВСКОГО НАРОДА

SIMBOLS OF GRIEF, SADNESS AND SORROW IN THE FUNERAL AND MEMORIAL LAMENTATIONS OF THE MORDOVIAN PEOPLE

Ключевые слова: мордва, коми, причитания, плакальщица, символ, смерть, горе, печаль, тоска, орнитоморфные символы, дендробразы.

Данная статья продолжает цикл статей, посвященных исследованию похоронно-поминальной причети мордовского и других финно-угорских народов, в том числе поэтических особенностей этого жанра. В статье рассматривается использование символа в мордовских похоронно-поминальных причитаниях, зафиксированных в XIX — начале XX в. В качестве сравнительного материала привлекаются причитания коми, чья похоронно-поминальная причеть среди других финно-угорских народов является наиболее развитой.

Key words: the Mordvins, the Komi, lamentations, mourner, symbol, death, grief, sorrow, sadness, ornithon-morphic symbols, dendro-images.

This article continues the series of articles devoted to the study of the funeral and memorial laments of the Mordovian and other Finno-Ugric peoples, including the poetic features of this genre. The use of the symbol in Mordovian funeral and memorial lamentations recorded in the XIX — the early XX century is considered in this paper. As a comparative material, the lamentations of the Komi are used, whose funeral and memorial lamentation tradition among other Finno-Ugric peoples is the most developed one.

Причеть занимает важное место в системе нравственно-этического и эстетического воспитания. Построенная по «законам красоты» она акцентирует внимание на общечеловеческих ценностях, утверждает их приоритет. Изучение причети, в том числе ее поэтических особенностей, позволяет глубже познать историю того или иного народа, преимущественно архаичную, его быт и культуру.

Среди многочисленных поэтических средств, используемых плакальщицами, важным выразителем своеобразия похоронно-поминальной причети является символ. Символика похоронно-поминальных причитаний находится в теснейшей связи с жизнью, она содержит в себе символы как общие, так и специфические для каждого народа, связанные с национально-бытовым и географическим своеобразием. В статье будут отражены результаты исследования мордовских причитаний конца XIX — начала XX в., а в качестве сравнения привлекаться причитания коми — одного из финно-угорских народов, чья похоронно-поминальная причеть является наиболее развитой.

Часто встречающийся вид символа — предмет или персонаж. Иносказательное изображение осуществляется или полным замещением одного предмета (персонажа, вещи) другим (обычно растением, птицей животным и т. п.), или путем их отождествления.

Мордовские причитания характеризуются наличием символов, общих для причети всех финно-угорских народов. Причитания коми наряду с общими символами имеют специфические. Отличительным признаком похоронно-поминальной причети является преобладание символики горя.

Наибольшее употребление в мордовских причитаниях нашли образы — символы, взятые из растительного мира — дендрообразы. Душевное состояние волеплицы, ее настроение и психологическое состояние других лиц, от имени которых она причитает, раскрывается в причети с помощью символических образов: березы, осины, липы, цветов, полыни, крапивы, которые выражают печаль, горе, тоску. Как правило, чувства передаются с помощью символических картин:

Калмоцень ваксса келунясь ризнай,   («Около могилы твоей березонька тоскует,
Мазы панчфхятнень пужихть лопасна...   Высыхают лепесточки красивых цветков...»)¹.

Если в лирических песнях цветы символизируют радость своим цветением и благоуханием, то в похоронно-поминальной причети, как правило, цветы или увядают, или засыхают и поэтому их вид не вызывает радости. Поникшее, увядшее, засыхающее растение символизирует большое горе.

Колющая, режущая, причиняющая боль — признаки крапивы. Они дали основание для отнесения этого растения к общей символической картине страдания. Данный символический образ часто используется мордовскими плакальщицами:

Иднязе, алон апать ногай палакст,   («Сынок, подо мной постелил ты крапиву жесткую,
Прялон путоть пиди палакст...   Под голову положил крапиву жгучую...»)².

Близкое к этому символу эмоциональное значение имеет и другое растение — полынь. Она чаще изображает горемычное житье. В причитаниях мордвы полынь символизирует горькую, беспросветную жизнь. С одинокой или голой полынью в поле сравнивается жизнь усопшей или сирот: паксянь шава нярьхкамнязе; шава нярьхкамзкс шачинязе («на поле одинокая полынь моя, голой полынью родившаяся»)³.

В причети мордвы часто используется образ склоненной, печальной березы, расшумевшейся качающейся осины, скрипучей ольхи:

Арань аф моли ярмакокс,   («Стала я никому ненужною,
Арань мековасу читорды сялинякс...   Стала я ольхою скрипучею...»)⁴.

Благодаря реалиям, которыми обладает осина (кора горькая, листья трепещут) это дерево в плачах символизирует тоску и печаль. У мордвы горькая осина со значением печали входит в символические картины — описания, изображающие определенную ситуацию, горечь и переживания окружающих. Кроме того, при использовании этого символического образа во многих причитаниях мордовского народа явно прослеживается связь с евангелическим мотивом «иудина дерева» — дерева, проклятого богом и людьми:

Кодамо дерева тетъ ёрасть?   («Какое дерево облюбовали для тебя?
Аволь ли пазонь сюдонь,   Не проклятое ли богом,

Пой чувтось,
А Нишкень проклянень деревань? ...   Осинное дерево,
Не презренное ли Нишке дерево? ...»⁵.

Для похоронно-поминальных причитаний коми не характерны символические описания природы. В них нет печально шумящих деревьев, сохнувшего сада, увядающих и высохших цветов, отражающих переживания героев. Подобная символика используется у народа коми чаще в свадебных плачах и лирических песнях.

Орнитоморфная символика в похоронно-поминальной причети мордвы встречается не часто. Кукушка — символ одинокой горюющей женщины (матери, жены, вдовы). Мордовская вопленица, говоря о кукушке, не только сравнивает свою судьбу с судьбой этой птицы, но и уточняет, где именно она кукует, в какое время года или суток. Символический образ кукушки общенародный. Он встречается в фольклоре славянских народов, у латышей и литовцев.

Этот образ используют и коми плакальщицы:

Вёскуйтны да вёсгөрөкуйтны,   («Куковать да горевать,
Как гөрө гөркёйыс, кёкушкаыс вёскёкуйтö...   Как горе горькое кукушка кукует...»)⁶.

Равнозначно в этом отношении использование образа филина в коми причитаниях:

А тувсов кёк моз да   («А придется ведь мне
Кёкштынны-а,   Как весенней кукушке,
Арся сюзь моз да   Куковать всегда,
А буксасьыштыны...   Как осеннему филину ухатъ всю жизнь...»)⁷.

Как видно из приведенного примера, значение этого символа сходно с другими жанрами, использующими этот образ. Довольно часто мордовские плачеи наряду с образом кукушки используют образ соловушки. Соловей в народных песнях представляется поющим на заре и его пение возвещает свет и радость. Иначе дело обстоит в похоронно-поминальной причети. В мордовских причитаниях соловей определяется словом весенний, тем самым указывается на его одиночество, так как именно весной все птицы ищут себе пару:

Тундонь кукокс карман кукордомо,   («Как весенняя кукушка закукую,
Тундонь цёковс карман цёкордомо...   Весенним соловьем запою...»)⁸.

Так определяет плач свое состояние после смерти мужа.

Образ соловья в таких случаях указывает на разлуку с любимым, одиночество. Кроме того, некоторые мордовские причитания содержат случаи использования символика кукушки и соловья с расшифровкой в том же тексте:

Кодамо куко тонь чиресэ кукорды,   («Какая кукушка возле тебя кукует?
Кодамо цёков тонь вакссо ней цёкорды?   Какой соловушка возле тебя щебечет?
Аволь, тякинем,   То, сынок, мой,
Покш паксинень цёковне,   Не кукушка из большого леса,

Веле ютконь
Мон, какинем, кукине,
Кардаз ютконь
Мон, какинем, цёковне...

То, дитятко мое,
Не из больших полей соловушка,
Я, сыночек мой,
Кукушка деревенских улиц,
Я, сыночек мой,
Соловушка со двора...»⁹.

В подобных случаях символ как бы разрушает себя. Однако нельзя сказать при этом, что такое разрушение символа мешает совершенству художественного выражения ситуации. «Разрушение символики» в похоронно-поминальной и бытовой причети явление не частое, типичнее оно для свадебных плачей, где подобный процесс наблюдается довольно часто. В нашем примере символ расшифровывается с помощью психологического параллелизма. Первая параллель символическая, а вторая — реальная. В такой параллельной композиции символы придают мыслям поэтическую форму выражения, передают эмоции, определенное отношение к человеческому образу. Они, по сути, создают поэтичность. Если бы приведенный отрывок состоял из одной параллели, то это была бы не поэзия, а сухая информация. Первая параллель в данном примере опозитизировала вторую. Отрывок состоит из двух самостоятельных картин, но в сознании плакальщицы и реципиента первая и вторая картины воспринимаются не отдельно и изолированно, а одновременно, синтетически.

Более же распространенный способ выражения — прямая расшифровка символа. Как, например, в следующем отрывке мордовского причитания, где птица является символом девичества. Оплакивается незамужняя девушка:

Мазы нармушка ливтякшнось,
Касом прызон валгокшнось...
Се — бояравакс тонь чинесь,
Се — азоравакс тонь чинесь...

(«Красивая птичка прилетела ко мне,
На голову села...
Та птичка — девичество твое,
Та птичка — волюшка твоя...»)¹⁰.

Подобная расшифровка символа происходит в том случае, когда его значение не объяснялось образом.

В причитаниях мордвы и коми одни и те же явления из жизни людей могут выражаться самыми различными символами — образами природы.

Выше был приведен пример из плача коми, в котором кукушка и филин символизируют одиночество, горькую судьбу; полынь и крапива — горемычное житье; высохшие цветы, склоненная березка, скрипучая ольха — большую печаль.

Мордовские плакальщицы для усиления трагичности происходящего иногда употребляют в причитании несколько символов:

Кадыть, алякай, коське келуныкс люксема,
Тундань кукуныкс, алякай, куксема,
Шяй тишенякс, алякай, шыема,
Лама нужань, алякай, няема,
Шары кавалкс, алякай, шава паксянь
шарома...

(«Оставил ты его, папенька, как сухую березоньку,
Весенней кукушкой, папенька, куковать,
Осокой, папенька, высохнуть,
Много нужды, папенька, повидать,
Соколиком, папенька, над пустым полем кружить...»)¹¹.

В таких случаях, эмоциональная выразительность плача усиливается, психологическая направленность, порой, достигает высшего предела.

Символом несчастья в причитаниях мордвы выступает образ ворона:

Кодамо кулома сявонзе?	(«Какая смерть взяла тебя?
Кодамо равжа варси каркнанзе? ...	Какой черный ворон проклял тебя? ...)» ¹² .

В фольклоре многих народов ворон — злоеющая птица. Ворон может накаркать беду, смерть.

В причитаниях многих финно-угорских народов кроме растительной и животной используется цветовая символика, которая, на наш взгляд, принадлежит к числу древнейших ассоциаций человека. При этом цветовые символы не представляют собой сложную, многоступенчатую структуру, не связаны жестко с определенным временем года, частями человеческого тела, созвездиями и т. п., как, например, у восточных народов¹³. Она включает в себя в основном два цвета: черный и белый.

Черный цвет у большинства народов ассоциируется со злом, отсутствием удачи, страданиями, болезнью, смертью. В мордовских причитаниях слово «черный», употребляясь со словами смерть, печаль, земля, символизирует смерть. Однако в сочетании со словом земля «черный» может выполнять две функции: эпитета и символа. В таком случае различение функции происходит в зависимости от контекста:

Оду кудса тон аф удат, —	(«Больше ты дома не будешь ночевать, —
Равжа модас тон туют...	В землю черную ты уйдешь...»)» ¹⁴ .

В причитаниях коми «черный» также ассоциируется со смертью, однако коми плакальщица воссоздает целую символическую картину, вызывающую соответствующие эмоции:

А пемдö, пемдö мян вöдзö	(«Темнеет, темнеет у нас,
Пöсле тэ бöрад бара,	После тебя
А пети öкошечкиным	Пять окошечек наших
Чöрнöйö кö да — а занавесö	Черным занавесом
Закрывайтчыштас-а...	Все закроются...»)» ¹⁵ .

Более сложной в похоронно-поминальных причитаниях представляется символика белого цвета. У многих народов белый цвет ассоциируется с благом, чистотой, жизнью, здоровьем и т. п. Использование этого цвета как символа, на наш взгляд, специфично для похоронно-поминальной причети мордовского народа. Иногда в значении «белого» выступает «светлый», символизирующий жизнь:

Фкя киньясь туй валдо вели,	(«Одна дорожка идет в село светлое,
Омбоце киньясь вяти оцю вири,	Другая идет в большой лес,
А колмоценьясь туй равжа вели,	А третья идет в черное село,
Коса эрямс вечна шобда...	Где живут в темноте...»)» ¹⁶ .

Для причети мордовского народа характерны противопоставления символики черного и белого. Ассоциации, вызванные ими, образуют антитетическую пару: жизнь — смерть.

Наряду с цветовой символикой, обозначающей смерть, мордовские плакальщицы используют другие общефольклорные символы смерти (падающая звезда, заходящее солнце):

Менельстэе прась валдо зеркала	(«Скатилась с неба,
Тонь тештькеть,	Ясная, как зеркало, звездочка твоя,
Кеверсь мазы умареть...	Скатилось красивое яблоко твое...») ¹⁷ .

В похоронно-поминальной причети такие явления природы, как падающая звезда, заходящее солнце символизируют смерть. Символика, связанная с этими явлениями природы, уходит корнями в далекое прошлое. Солнце символизировало жизненный цикл, постоянное перерождение и обновление. Восходящее солнце является во многих культурах символом жизни, созидательной энергии, а уходящее — завершением жизненного цикла.

Для причети коми характерны специфические символы горя. Способом их образования является символическое описание:

А избушечкаё менам и тэ бõрад	(«А избушка моя без тебя
А чõрным дымõм да задымытыштас,	Черным дымом прокоптитя
А шести окошечки заржавейтас-а	Шесть окошек ржавым налетом покроются
А медьвединойё	Медвежьей шкурой завесятся...») ¹⁸ .
А и кõжаё	
А закрывайтчылас...	

Для коми причитаний не характерна расшифровка символических образов, подобно мордовским плакальщицам, так как в основе символической ситуации уже лежит описание.

В современных условиях, как показывают экспедиции последних лет и наши личные наблюдения, произошли существенные трансформации погребального обряда, а в связи с этим изменяется и причеть. Причем это касается всех ее сторон: бытования, построения, поэтического оформления, что ведет к относительному размыванию жанра и отсутствию стабильности в бытовании.

Библиографические ссылки

¹ Мокшанские причитания // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1979. Т. 7, ч. 2. С. 20.

² Мокшанские причитания. С. 161.

³ См.: Памятники мордовского народного музыкального искусства : Мокшанские приуроченные песни и плачи междуречья Мокши и Инсара / сост. Н. И. Бояркин. Саранск, 1981. Т. 1. С. 85, 304 ; Мокшанские причитания. С. 110.

⁴ Мокшанские причитания. С. 44, 103, 106.

⁵ Эрзянские причитания-плачи // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1972. Т. 7, ч. 1. С. 113.

⁶ Рукописный фонд Коми филиала Академии наук ССР (РФ КФ АН СССР). Ф. 1. СП. II. Д. 291, 41 ; Эрзянские причитания-плачи. С. 146, 148.

⁷ **Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г.** Коми народные песни. Вымь и Удора. Сыктывкар, 1971. Вып. 3. С. 183.

⁸ Эрзянские причитания-плачи. С. 73.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ Там же. С. 243 — 244.

¹¹ Мокшанские причитания. С. 125.

¹² Там же. С. 43.

¹³ Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1982. Т. 2. С. 145.

¹⁴ Мокшанские причитания. С. 51, 56.

¹⁵ **Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г.** Указ. соч. С. 176.

¹⁶ Мокшанские причитания. С. 309.

¹⁷ Эрзянские причитания-плачи. С. 42 ; Мокшанские причитания. С. 72.

¹⁸ **Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г.** Указ. соч. С. 168.

Поступила 07.07.2022 г.